

Джон Мэнчип Уайт

Боги и люди Древнего Египта

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607655

Уайт Д.М. Боги и люди Древнего Египта: Центрполиграф; Москва; 2007

ISBN 978-5-9524-3252-9

Оригинал: Jon ManchipWhite, "Everyday Life in Ancient Egypt"

Перевод:

Л. А. Калашникова

Аннотация

Книга Д.М. Уайта, известного ученого-египтолога, рассказывает о том, что больше всего занимает нас и что наиболее полно отражает особенности истории любого народа, — о повседневной жизни древних египтян. О том, как и во что они верили и чему учились, что ели и как развлекались, во что одевались и как устраивали свои дома. И конечно же о гробницах, из которых почерпнута значительная часть наших знаний о Древнем Египте.

Содержание

Глава 1	4
Характер долины	4
Характер людей	8
Чувство преемственности	10
Первые поселенцы	12
Глава 2	15
Большие и маленькие города	15
Главные города	17
Пирамиды	23
Визит в храм	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джон Мэнчип Уайт

Боги и люди Древнего Египта

Глава 1

Долина Нила

Характер долины

Древние египтяне были страстными садоводами и опытными ботаниками, поэтому нет ничего удивительного в том, что земля, на которой они жили, должна была напоминать цветок, который они больше всего любили изображать на своих памятниках, — лотос.

Рис 1. Карта Древнего Египта

Если вы посмотрите на карту Египта, вы увидите, что очертания этой страны напоминают распускающийся цветок на длинном тонком стебле. Головка цветка – это дельта реки Нил, напоминающая веер, а стеблем является изгибающееся русло реки, в промежутке между первым порогом у Ашвана и далеким Средиземным морем. Источником жизненной силы этого цветка является вода Белого и Голубого Нила, которые берут свое начало из далеких источников, находящихся в самом сердце Африки в 4000 миль от моря.

По причудливости своих очертаний Египет может сравниться только с Чили. В большинстве своем страны по форме своих территорий напоминают квадрат, круг или овал, а вот Египет напоминает влажную зеленую шелковую нить, протянутую среди песков бесконечной пустыни.

Характер и судьба любой страны определяются ее местоположением, рельефом и климатом. Жизнь Египта, как никакой другой страны мира, определялась этими факторами. По сути, Египет и был долиной Нила. Он представлял собой узкую полосу плодородной земли, зажатую с обеих сторон песками. Жители долины теснились на этом клочке земли, как на волшебном ковре, будто расстеленном богами в момент зарождения мира специально для них; и они делали все, чтобы удержаться на нем. Да и найдутся ли глупцы, желающие покинуть благословенную долину, чтобы пуститься в странствия по заброшенным землям Синай или Сахары, где господствуют злые духи?

Действительно, у них почти не было причин выходить за пределы уже освоенной ими полосы плодородной земли. Горы, отделяющие эту полосу земли от пустыни с обеих сторон, были своеобразным барьером, не дающим им возможности покинуть свои земли, они же являлись и их защитой. Земля Египта была их благословенным обиталищем, «уникальным, огромным оазисом, садом среди дикой, нетронутой рукой человека пустыни». Солнце светило там мягко и ровно, излучая живительное тепло. В течение ста дней в году могучая река орошала поля и плантации, покрывая их плодородным слоем ила, который она несла с возвышенности Абиссинии. Земля Египта была столь плодородной по составу и столь темной по цвету, что древние египтяне называли свою страну Кемет (Черная земля), чтобы противопоставить ее Красной земле, безводной пустыне, окружавшей ее.

Неудивительно, что они восхваляли свою реку, молились на нее, слагали в ее честь такие торжественные гимны, как «Поклонение Нилу».

«Слава тебе, о Нил, берущий свое начало в земле, чтобы накормить Египет. Хвала тебе, о Нил! О ты, который привел человека и его стадо, жить на этих лугах! Хвала тебе, о Нил!»

Рис. 2. Величайшая артерия Египта – река Нил

Древние египтяне были неотделимы от Нила. Они рождались, жили и умирали на берегах могучей реки, вид которой наполнял сердце любого человека, глядевшего на нее, благоговением и восторгом (рис. 2). Нил был не просто источником их существования, он сформировал их единое и сильное государство. Это была артерия, соединявшая каменистые возвышенности, располагавшиеся на юге страны, с изумрудно-зелеными землями дельты Нила, где река внезапно разветвлялась на тысячи мелких протоков перед впадением в море. Возвышенности (в нижней части карты) сначала назывались Верхним Египтом, в то время как дельта, граница которой начиналась в 10 милях вверх по течению от древнего Мемфиса, называлась Нижним Египтом. Два царства первоначально существовали как весьма свободные, но четко определенные конфедерации племен в течение более тысячи лет. Однако по мере неуклонного роста населения они неизбежно должны были рано или поздно объединиться, что и произошло немногим позже 3000 года до нашей эры, незадолго до возникновения Первой династии. Жители Верхнего Египта, где условия жизни были весьма суровыми, по натуре были более воинственными. В чем-то их даже можно было назвать пуританами. Что же касается жителей Нижнего Египта, то они, напротив, были кроткими и общительными людьми: они жили в более мягких природных условиях, на плодородных землях, откуда было легко добраться до восточного Средиземноморья, стоявшего на высоком уровне развития.

Характер людей

Вплоть до самого последнего периода истории Египта даже жители дельты Нила имели весьма ограниченные контакты с внешним миром. Конечно, они всегда завозил и нефть, лес и ювелирные изделия из таких развитых стран, как Сирия, Крит и Финикия, вели столь же оживленную торговлю с Нубией и Суданом. Но в любом случае торговля с зарубежными странами была прерогативой царствующей династии, а потому и культурное влияние было весьма ограниченным.

За египтянами закрепилась репутация домоседов. Они явно интересовались своими соседями гораздо меньше, чем те ими. Таким образом, при всем различии жителей Верхнего и Нижнего Египта, на взгляд иностранного гостя, они были совершенно одинаковыми, очень отличаясь при этом от жителей любой другой страны. Египтяне всегда были отгорожены от остального мира. Они выработали свой собственный образ жизни, не обращая особого внимания на то, как живут люди в других странах. Они сформировались практически в изоляции.

Именно эта замкнутая атмосфера сформировала уникальный характер Древнего Египта (однако не стоит слишком уж преувеличивать замкнутость атмосферы этого государства). Египтяне были не похожи на других людей, с готовностью воспринимавших все новое из-за рубежа. Например, любопытен тот факт, что хотя, по всеобщему мнению, лошадь появилась в Египте не раньше Восемнадцатой династии, то есть около 1700 года до нашей эры, в 1959 году профессор Эмери обнаружил скелет лошади вблизи египетской крепости Бухен в Нубии: эта лошадь похоронена там примерно в период Среднего царства. Значит, египтяне знали о лошадях по меньшей мере за двести лет до того, как они стали использовать их для езды верхом, но почему-то проигнорировали их. Глупо было бы размышлять над этим в отсутствие дополнительных фактов. Возможно, причина в их консерватизме? У них были свои собственные, странные представления о том, как следует жить. И они упрямо их придерживались. Как мы уже отметили, они были «жителями оазиса», обитателями укромного уголка, затерянного среди безводных равнин Северной Африки. За исключением одного довольно позднего периода истории, когда египтяне покинули свою долину, чтобы завоевать обширные пространства Ближнего Востока, внешний мир практически не существовал для них. И даже этот запоздалый опыт империалистических завоеваний, судя по всему, явился скорее результатом их стремления передвинуть вперед свои оборонительные линии, а не основать империю. И если внешний мир обходил их стороной, они вполне были удовлетворены этим и считали, что так и должно быть.

Сказанное ни в коем случае не означает, что это был отсталый народ: он просто существовал отдельно от остального мира. Египтяне, по мнению соседей, вели гораздо более совершенный образ жизни, чем другие народы. Их безмятежность, трудолюбие, порядок вызывали зависть. Они могут считаться одним из наименее невротических обществ, когда-либо существовавших в мире. Их географическая изоляция была столь полной, что вплоть до самого последнего этапа своей истории они не знали вторжений извне; этот факт вкупе с отсутствием постоянного страха быть завоеванными не дал развиваться у них чувству вины, которое часто разрушает душу завоевателя.

Они не были агрессивными; им вполне хватало того, что давало мирное, уединенное существование в наполненной солнечным светом долине. Чувствуя себя в безопасности, они были способны стойко и благоразумно относиться к превратностям жизни. Спокойствие и мудрость — плоды ничем не омраченных размышлений о жизни, а древние египтяне были исключительно спокойны и мудры. Египтолог Дж.А. Уилсон упоминает о «чувстве уверенности в себе и в окружающем мире», которое было присуще древним египтянам, и гово-

рит о «свойственном им веселом урбанизме» («Бремя Египта»). Другой ученый, Сабатино Москати, противопоставляет открытость египтян хроническому состоянию страха, в котором жили обитатели Месопотамии. Он говорит о «веселости и процветании» египтян, об их «радостном восприятии жизни, их склонности к улыбке и шутке, которой не знали другие народы Древнего Востока» («Лицо Древнего Востока»).

Совершенно ложным и ничем не оправданным является старое представление о египтянах как о безрадостных, чопорных и напыщенных людях, холодных, как изображения людей на их фресках и памятниках. Эти изображения только на первый взгляд кажутся плоскими и неживыми. При ближайшем рассмотрении видно, что на них почти всегда присутствуют детали, свидетельствующие о неистребимом чувстве юмора (рис. 3).

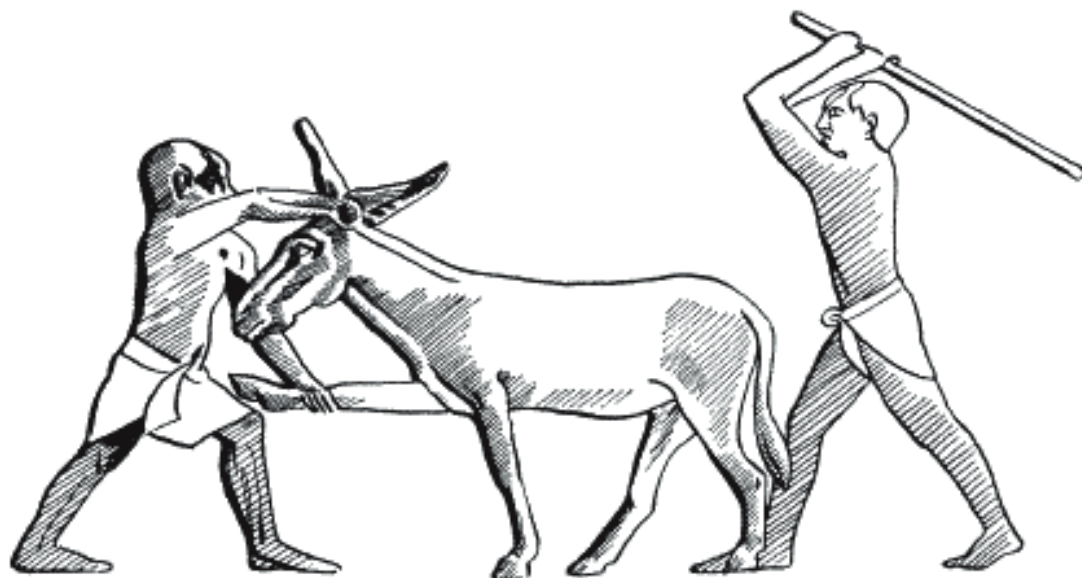

Рис. 3. Упрямый осел. Фрагмент надгробного барельефа

Как выразился один из наиболее известных современных египтологов Пьер Монте, «мы больше не можем воспринимать египтян как толпу рабов, безмолвно склоняющихся под кнутами безжалостного фараона или жадных жрецов; в жизни рядового египтянина хороших моментов было больше, чем плохих» («Повседневная жизнь Египта во время правления Рамсеса Великого»).

Эта книга достигнет своей цели, если поможет развеять неверное впечатление о Древнем Египте как о мрачном и суровом государстве. Египтяне были раскованны и терпимы, их переполняла жажда жизни, и они могут гордиться тем, что их история не запятнана варварством, которое испортило репутацию многих народов, безусловно высоко развитых и сильных духом.

Чувство преемственности

На страницах этой книги мы рассмотрим разные аспекты повседневной жизни Древнего Египта. Вы можете спросить: до какой степени правомерно говорить о «повседневной жизни» цивилизации, просуществовавшей тысячелетия? Ведь «повседневная жизнь» Нового царства должна была разительно отличаться по всем показателям от «повседневной жизни» Среднего царства, которая, в свою очередь, в той же степени отличалась от «повседневной жизни» Древнего царства.

Большинство книг, посвященных этой тематике, касаются лишь ограниченного периода времени: несколько веков, может быть, тысячелетие. В случае с Древним Египтом мы должны вести речь об огромном отрезке человеческой истории, который занял более трех тысяч лет. По меньшей мере тридцать веков отделяют царя Менеса, основателя Первой династии, от Нектанебо II, последнего из фараонов египтян. А от завершения правления Нектанебо II (в конце Тридцатой династии) до рождения Христа оставалось еще три века.

Тридцать династий... Когда царь Нектанебо II мысленно обращался к эпохе царя Менеса, это было равносильно нашему обращению к Северной Европе бронзового века. Между той и нынешней Британией лежит эпоха, когда страной правили кельты, римляне, саксонцы, норманны и все последующие династии. Как же можно пытаться в рамках одной книги рассказать о «повседневной жизни» Британии? И как можно надеяться сделать это применительно к Древнему Египту?

Безусловно, в истории Египта были свои взлеты и падения, хотя она и была более спокойной, чем история Вавилона и Ассирии. Ни одна, даже самая миролюбивая нация не может и мечтать о том, чтобы прожить три тысячи лет в полной и ничем не потревоженной пассивности. Мы знаем, что спокойствие Египта было жестоко нарушено по меньшей мере два раза, когда страна испытала серьезные проблемы и волнения: это был Первый промежуточный период, который отделял эпоху Древнего царства от эпохи Среднего царства, и Второй промежуточный период, отделявший эпоху Среднего царства от эпохи Нового царства.

«Все меняется, – жаловался в период испытаний писец Хехепера, – все совсем не так, как было в прошлом году, и каждый новый год становится тяжелее, чем предыдущий. Разрушены планы годов, нарушен обычный ход вещей. Земля находится в плачевном состоянии, все в унынии, города и деревни жалуются на свою судьбу. Люди нарушают установленные законы. Нас покинуло уважение».

В эти сложные периоды жители Египта познали всю горечь испытаний и гражданской войны. Их запрятанная в песках пустыни долина могла защитить от некоторых несчастий, которые испытывали более открытые внешним воздействиям страны, но была не в состоянии уберечь их от всех несчастий.

Тем не менее примечательно, что все проблемы промежуточных периодов лишь в некоторой, весьма ограниченной, степени затронули основу жизни египтян. Эти периоды не разрушили основу и структуру египетского общества. Египтяне были глубоко преданы своим древним обычаям, и когда завершалась эпоха раздора, они быстро возвращались к своему старому, привычному, добросердечному образу жизни. Мы уже говорили о факторах, которые дали египтянам чувство стабильности и внушили им оптимистический взгляд на мир. Именно такое мироощущение позволяло им после страшной бури возвращать корабль – свое государство – в спокойное русло.

Они также достойны восхищения за искреннее преклонение перед собственной историей. Они поклонялись своим предкам даже с большей фанатичностью, чем японские син-

тоисты. Египтян эпохи Нового царства так же глубоко, как и любого современного путешественника, волновал вид пирамид Гизы, построенных, когда их государство было совсем молодым. Они буквально купались в славе и победах своего прошлого. Ирония истории заключается в том, что в конце династического периода фараоны династии Саитов начали копировать произведения искусства и архитектуры великих строителей пирамид, которые жили за две тысячи лет до этого. Это выглядит как если бы англичане вдруг решили вернуться к стилю даже не викторианской или елизаветинской эпох, а к тогам и сандалиям тех времен, когда Британия была римской колонией. Тем не менее предложение саитских царей было не таким странным, как то может показаться на первый взгляд. Образ жизни Египта эпохи Саитов не особенно отличался от образа жизни, который был присущ ему две тысячи лет тому назад. То есть преемственность была налицо. Конечно, за это время произошли некоторые глубинные изменения, которые соответствовали изменившемуся характеру эпохи, однако внешне эти изменения почти не проявлялись. И в этом смысле мы можем с полным основанием говорить об «образе жизни» Древнего Египта; это был вполне дружелюбный, во многом однообразный образ жизни, который просуществовал в более или менее неизменном виде небывало долго.

Поклонение предкам у древних египтян было тесно связано с их представлением о золотом веке. Для большинства наиболее развитых современных народов золотой век находится где-то в будущем. Сегодняшняя жизнь рассматривается лишь как подготовка к более счастливой и славной жизни, которой будут жить дети наших детей в мире свободном от бедности и войн. Эта идея о лучшей жизни, которая часто превращается в представление о жизни как своеобразном отдыхе от жизни, безусловно, тесно связана с представлением христиан о рае. В свою очередь, христианское представление о рае берет свое начало в догматах еврейской философии, которая распространилась на Западе с помощью мощного влияния Библии. Сегодня даже самые негибкие консерваторы верят или, по крайней мере, признают всеобщее стремление к завтрашней «сладкой жизни». С другой стороны, древние египтяне не мучили себя сравнением своей жизни с раем, насладиться которым они смогут, только введя систему пенсий, социальной защиты и упразднив свои вооруженные силы. Их золотой век лежал не в каком-то гипотетическом будущем; он был связан с их прошлым, когда землей правили боги. Их прекрасно сбалансированная общественная система была бесценным даром свыше, а людям оставалось только поддерживать необходимый баланс с помощью крепкой власти. Они не ставили перед собой задачу (как это часто делаем мы) преобразовать свою общественную систему: они хотели как можно меньше портить ее. По их мнению, любое изменение было опасным, поскольку оно еще дальше отодвигает общество от времен, когда благородные боги, победив в ожесточенной борьбе своих врагов, мудро управляли долиной. Поэтому неудивительно, что «ни один другой народ не выказывал такого почтения к так называемому «времени предков» или «времени богов». (Алан Гардинер. «Египет эпохи фараонов».) Египтяне утверждали, что человеку следует не вынашивать «прогрессивные» идеалы, а настраивать себя на волну вселенной, поскольку она была первой создана богами. Как сказал Генри Франкфорт, «жизнь человека как индивидуума и члена общества составляла единое целое с природой, и опыт этого гармоничного существования был величайшим благом, к какому только мог стремиться человек» («Религия древних египтян»).

Египтяне жили здесь и сейчас. По словам царя Питтакоса из Митилены, секрет счастья заключается в том, чтобы «делать настоящее лучше». Египтяне следовали этой заповеди и были счастливы. Свидетельством тому является высокое качество всего, что они делали, — с самого начала до самого конца.

Первые поселенцы

В этой книге мы будем говорить о «повседневной жизни» Египта между 3200 и 341 годами до нашей эры. Однако династический Египет не появился полностью сформированным. Ему предшествовала долгая додинастическая эпоха, которая длилась по меньшей мере две тысячи лет до появления первого фараона.

Крестьяне додинастической эпохи, которые жили в поселениях Верхнего и Нижнего Египта, постепенно достигли очень высокого уровня развития. Они были умными, изобретательными людьми, которые, собственно, и заложили основу будущего процветающего египетского государства (рис. 4).

Рис. 4. Охотники додинастического периода

Их образ жизни был достаточно комфортным, чтобы египтяне позднего периода смогли изобразить свой благословенный золотой век как бы растворившимся в этой далекой эпохе. Еще за две тысячи лет до начала Первой династии жители долины Нила начали проявлять те черты, которые так высоко оценили их потомки. В Фаюме и Дейр-Тазе в Нижнем Египте, а также в Эль-Бадари, Эль-Амре и Нагаде в Верхнем Египте кочевники и пастухи постепенно освоили земледелие. Они выращивали ячмень и хранили его в земляных бункерах, могли шить и прясть, были искусными лодочниками, хорошо готовили и пекли хлеб, делали самые разнообразные, удивительной красоты гребни, браслеты и обручи, пользовались маслами и ароматизаторами и красили глаза зеленой краской, полученной из малахита. Помимо охоты при помощи луков, стрел и копий, на концы которых надевались искусно сделанные наконечники из кости, они занимались скотоводством, держали коз, овец и свиней, а также приручили кошку и дикую собаку (рис. 5).

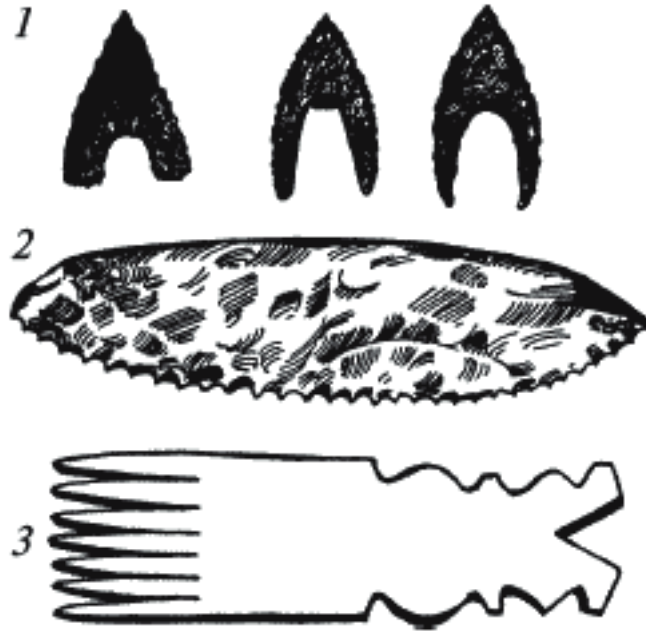

Рис. 5. Предметы быта додинастического периода: 1 — наконечники для стрел; 2 — зазубренное лезвие ножа; 3 — гребень из кости

К 4000 году до нашей эры эти талантливые люди достигли заметных успехов и далеко продвинулись в своем культурном развитии. В частности, они научились обрабатывать медь. Именно с этого момента и в Верхнем и в Нижнем Египте началось движение к возникновению единой системы управления Верхнего и Нижнего Египта. Племена, образовавшие до того момента весьма свободную конфедерацию, достигли точки, когда они были готовы объединиться. Непосредственный импульс для начала унификации разрозненных племен, видимо, был получен ими от африканских племен, проживавших большей частью в Верхнем Египте. Мы уже отмечали, что африканское население возвышенностей в верховьях Нила было гораздо более воинственным, чем население дельты Нила. Племена, жившие в Верхнем Египте, также контролировали истоки реки, а значит, и источники воды. Поэтому они могли заставить жителей дельты играть по своим правилам.

В продолжение всей истории Египта жители Верхнего Египта всегда задавали тон, именно они выказывали готовность спасти страну, когда возникала такая необходимость. Они были истинными хранителями древних традиций, сторожевыми псами совести египтян. С другой стороны, жители дельты были открытыми по натуре и более изобретательными, они лучше приспосабливались к меняющимся условиям жизни и новым веяниям времени, которые приходили к ним из Средиземноморья. Именно через дельту из Ближней Азии проникли в Египет и начали распространяться пиктографическое письмо, кораблестроение и обработка металлов (рис. 6, 7).

Рис. 6. Ожерелье додинастического периода

Рис. 7. Глиняные горшки и ящик 4-го тысячелетия до н. э.

На рис. 5 – 7 изображены предметы, которые древние египтяне доисторического и додинастического периода использовали в повседневной жизни. В частности, здесь показаны образцы прекрасно заточенных ножей, которыми они пользовались во время обрядов жертвоприношения; причудливо разрисованная глиняная посуда самых различных видов и стилей; изящные кувшины и вазы, сделанные из самых разных камней; личные украшения и оружие.

Глава 2

Места проживания

Большие и маленькие города

Время, бережно сохранившее многочисленные памятники Древнего Египта, однако, не пощадило его города. Статуи, личные вещи и мумифицированные останки правителей и простых граждан Египта пролежали в теплом песке тысячи лет и сохранились для последующих поколений. Но совсем по-другому обстояло дело со стенами и башнями египетских городов, где жили люди, чьи останки сохранились до наших дней.

На избыточно влажных землях дельты Нила разрушение памятников старой архитектуры было делом вполне ожидаемым. Нижний Египет также серьезно пострадал от разрушительной деятельности людей, известных под именем себакхины. В последние столетия они были особенно активны. Себакхины – это крестьяне, ищущие себакх – камни разрушенных древних зданий, которые они выкапывали и использовали на полях в качестве удобрений. С другой стороны, в более засушливых районах Среднего и Верхнего Египта причина разрушения древних построек была в другом: эти постройки разбирались, а на их месте строились новые здания – точно так же в Англии можно видеть сохранившиеся фрагменты стен древних аббатств, ставшие частью соседних сельскохозяйственных построек. Нельзя не упомянуть и о фанатичном рвении монахов раннего христианского периода. Вооружившись рашпилями и молотками, эти не обремененные излишними знаниями, но искренние в своем заблуждении люди скитались по земле Египта, разбивая головы статуй и стирая надписи, сделанные еще фараонами-язычниками. Они посвящали этой отвратительной работе годы жизни, и, надо сказать, трудились изо всех сил.

Хотя уцелевшие и сохранившиеся до наших дней памятники Древнего Египта и могут показаться современному путешественнику многочисленными, они представляют собой очень незначительную часть того, что было создано египтянами. От некогда прекрасных городов фараонов не осталось почти ничего. Храмы, гробницы, пирамиды и колоссы, до сих пор возвышающиеся над египетской землей, – это всего лишь сломанные ребра давно умершего великана. Вокруг этих развалин – мрачная атмосфера одиночества, питающая легенду о том, что построившие эти шедевры люди были начисто лишены чувства юмора поклонниками геометрии. Когда-то эти здания стояли среди многочисленных построек самых разных размеров и форм. Очевидно, города Древнего Египта были наполнены шумом, запахами, цветами и оживленностью восточного базара и населявшие их люди отличались живым нравом и активным восприятием жизни.

Если бы вы смогли побывать в Фивах, Мемфисе или Тель-эль-Амарне, вы бы оказались в веселом, бурлящем и очень деловом мире (рис. 8). Безусловно, вы увидели бы там памятники и башни – не такие обветшалые, как сейчас, а гладкие, блестящие и сияющие. И в те дни их можно было видеть только за окружавшими их ограждениями или сквозь живой щит из листьев пальм и акаций.

Рис. 8. Сценка из уличной жизни Тель-эль-Амарны

Главные здания были похожи на гордые островки, возникшие посреди шумного океана менее претензионных собратьев. Конечно, более зажиточные члены общества жили в просторных пригородах, как это происходит и в современных городах; однако ничем не сдерживаемый поток простых граждан проникал в города и стремился «зацепиться» за любой пригодный для жилья уголок. Так и получилось, что импозантные стены усыпальниц знати терялись среди неопрятных сараюшек и бараков, которые лепились к ним, как утлые лодочки стремятся держаться поближе к красавцу лайнеру. Время от времени какой-нибудь фараон или высший жрец начинал кампанию по «очищению» святых мест, и посягнувшие на чистоту святынь выдворялись с обжитых мест. Однако эти победы чаще всего были временными. Как только страна вступала в новый период анархии или плохого управления, замученные жизнью люди вновь начинали устраивать себе жилища вокруг центральных зданий. Им это подсказывал здравый смысл. В обычных обстоятельствах городские ворота не запирались ни днем ни ночью, однако в чрезвычайных ситуациях люди чувствовали себя спокойнее, зная, что рядом – надежные городские стены. Дворец или храм были осью, вокруг которой вращалась торговая жизнь города, поэтому разумнее было держаться поближе к основному источнику процветания и защиты.

Главные города

Давайте представим себе, что мы – греческие путешественники, приехавшие в Египет в его позднюю и наиболее благополучную эпоху. Какие города могли бы мы увидеть в ходе поездки от средиземноморского побережья до высокогорий Абиссинии?

Попав в дельту через одно из многочисленных ответвлений Нила, мы бы увидели в большинстве крупных городских поселений очень много культовых сооружений. Среди болот дельты, окутанная таинственным зеленым светом, наша лодка проплывала бы мимо величественных храмов, посвященных основным египетским богам. Среди них главными были боги и богини, занимавшие особое место в религиозных доктринах могущественных жрецов Мемфиса, или представители династии, которая сделала этот крупный город своей столицей. В Буто и Саисе люди поклонялись богине-змее Эдхо и богине охоты Нейт (египетский вариант богини Дианы). Этим богиням поклонялись еще в додинастическую эпоху, о которой подробно говорилось в конце предыдущей главы. Также в западной дельте мы бы посетили город Наукратис, позже ставший процветающим портом, предшественником великого греческого города Александрия, впоследствии превратившийся во второй по величине город Римской империи.

Среди городов центральной части дельты мы бы, очевидно, решили посетить (при наличии времени, разумеется) Бусирис, родину бога Осириса, самого могущественного из всех богов. Далее на востоке мы бы посетили Бубастис, где чтили богиню-кошку Баст, затем мы направились бы в Мендес, где процветал культ бога Хнума с головой барана, и в важнейший порт Танис, который несколько раз сыграл важную роль в политике фараонов. Мы бы отметили, что восточная и западная границы дельты, наиболее уязвимые части страны, подверженные нападению извне, были надежно защищены. Здесь базировались хорошо вооруженные отряды; защитников было много, и отряды находились в постоянной боевой готовности.

Западная граница была более спокойной, чем восточная, – здесь опасность вторжения была гораздо меньше. С запада Египту в основном угрожали кочевники из Ливии и другие племена, не являвшиеся очень сильными противниками. Что касается восточных земель, то они располагались по обеим сторонам основной горной дороги, которая вела к хорошо организованным царствам хеттов, сирийцев, миттанийцев, ассирийцев и других народов Ближнего Востока, время от времени направлявших жадный взгляд на Египет. Если бы мы рискнули продвинуться дальше Таниса, вовнутрь хорошо охраняемой милитаризованной зоны, мы бы увидели, что наиболее грозные и труднопреодолимые крепости, защищавшие эту наиболее уязвимую часть территории Египта, располагались в Тъеле или Силе (современный Эль-Квантарх). Здесь воины, охранявшие границу, останавливали каждого путешественника, въезжавшего в Египет или выезжавшего из него, задавали ему разнообразные вопросы о цели его поездки и придирчиво проверяли документы.

Продвигаясь вверх по течению и добравшись до точки, где Нил разделяется на два основных потока, направляющиеся через дельту к морю, мы бы вскоре увидели прославленный древний Гелиополь, теперь похороненный под северными предместьями Каира. В период существования Древнего царства жрецы Гелиополя имели совершенно уникальную власть над царями Египта. Они подняли культ бога солнца Ра и его возлюбленной жены богини Хатор (которая представляла перед людьми в образе коровы и была богиней неба, земли и подземного царства) на небывалую высоту. Культ бога Ра, который представлял в образе мудрого старика Ра-Атума и его энергичного сына, способствовал возникновению так называемой доктрины Гелиополя. Эта доктрина неизбежно стала господствующей и в

главном городе страны Мемфисе, расположенном всего в 26 милях к югу от Гелиополя, на другом берегу реки.

Одно из египетских названий Мемфиса – Гикуптах – «Обителище души бога Птаха». Этому богу поклонялись издавна, и приверженцы его культа считали, что он создал самого бога солнца. Возможно, именно название Гикуптах в греческом языке трансформировалось в Эйгиптос, от которого и произошло современное слово «Египет». Уже в начале правления Первой династии, примерно в 3100 году до нашей эры, Мемфис был центром египетской цивилизации. Там завоеватели из Верхнего Египта основали величественный дворец Ригель, со знаменитой Белой стеной. А четыреста лет спустя великий царь Зосер Третьей династии сделал Мемфис официальной резиденцией египетских царей (рис. 9).

Рис. 9. Бог Птах, покровитель Мемфиса

В течение следующих пяти веков, когда Греция оставалась необжитой, дикой страной, Мемфис был вотчиной могущественных фараонов Древнего царства, при которых, по мнению многих ученых, Египет достиг пика своей силы и влияния. Символом величия Мемфиса стали пирамиды, которые первые фараоны возвели на возвышенности к западу от города. До сих пор сохранились остатки не менее 19 из них, в том числе величественные пирамиды в Гизе и ступенчатая пирамида царя Джосера (рис. 15). В пяти милях от Мемфиса иностранный путешественник мог увидеть совершенно фантастический Серапеум, огромную подземную гробницу – захоронение священных быков. Захоронения мумифицированных останков 64 так называемых быков Аписа, воплощавших в себе добродетели богов Мемфиса и Гелиополя, торжественно продолжались в течение тысячи лет.

Теперь мы должны пуститься в долгое, спокойное, неторопливое путешествие вверх по реке.

Мы сделаем остановку, чтобы провести день в старом и очень влиятельном провинциальном городе Гераклеополе, который в течение двух непродолжительных периодов был одним из главных городов Египта, но никогда не претендовал на роль столицы. Затем мы ненадолго остановимся в Тисе, месте рождения правителей, приведших доисторических египтян к созданию двух царств. И наконец, мы приблизимся к своей цели – священному городу Абидосу, находящемуся в 250 милях от Мемфиса.

Здесь мы станем свидетелями самого впечатляющего из всех религиозных обрядов Египта – ежегодного представления, посвященного загадке Осириса, о котором расскажем в следующей главе.

Первоначально Абидос считался вторым после Бусириса городом, где поклонялись Осирису, но постепенно он стал главным священным местом Египта. Посещение святынь Абидоса было древним аналогом паломничества христиан в Иерусалим и мусульман в Мекку. В Абидосе мы могли бы увидеть бесконечные вереницы верующих, направляющихся к кладбищу, чтобы установить там свои поминальные камни. Мы бы увидели тело богатого человека, облаченное в белые одежды, которое осторожно снимают с баржи после многодневного путешествия, чтобы согласно его последней воле захоронить «возле лестницы великого бога Абидоса» (рис. 10).

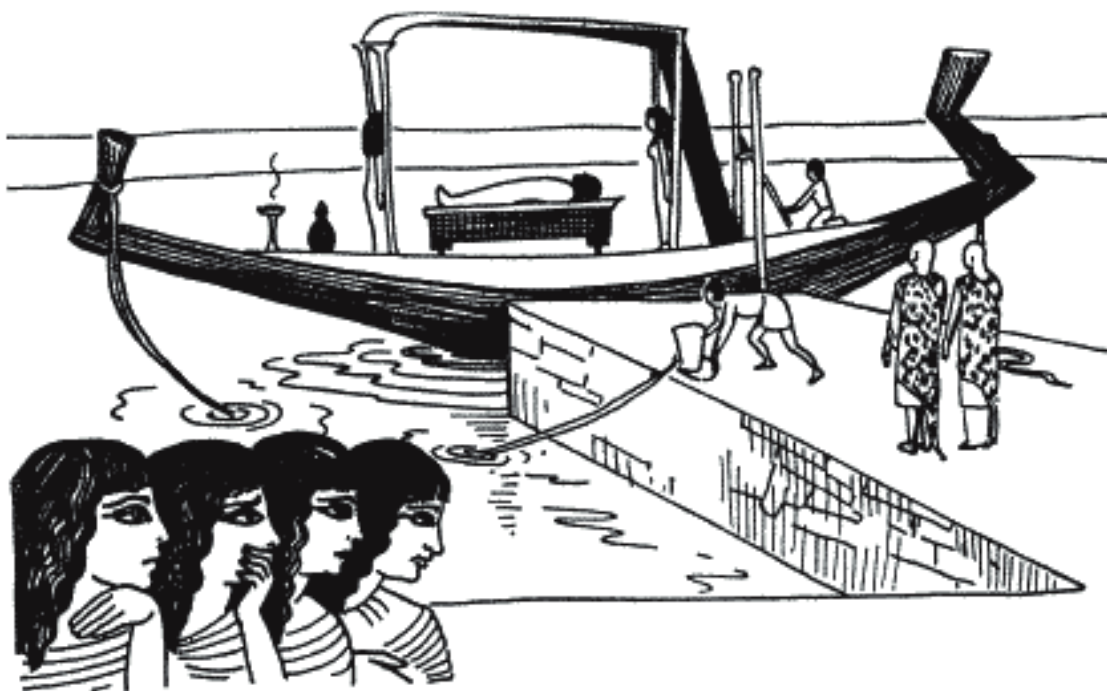

Рис. 10. Тело богатого человека привезли в Абидос для погребения

Это место издавна было освоено людьми, так как именно здесь находились ранние доисторические поселения амратиянов и нагаданов, которые, собственно, и заложили основу Верхнего Египта. Таким образом, Абидос занимал особое место в сознании египтян. Неудивительно, что некоторые наиболее выдающиеся правители Среднего и Нового царств воздвигли вблизи этого города изысканные храмы.

Пора возвращаться на корабль и отплывать. Мы опять пускаемся в путь по быстрой и ласковой реке. Мы плывем все дальше. Наши весла борются с течением. Мимо нас проплывают пальмы и земляные хижины, плывут нагруженные баржи. Наконец, где-то впереди по

курсу мы видим очертания древнего города Коптоса, который разбогател на добыче золота в ближайшей пустыне и обслуживании торговых караванов, идущих от Красного моря.

Затем, в 60 милях от Абидоса, наконец нашему взору предстает знаменитый город, который мы так хотели увидеть. Мы добрались до сердца Египта: мы приплыли в Фивы.

Гомер в «Илиаде» называл Фивы «городом ста ворот», ошибочно приняв за городские ворота площадь и арки окружавших ее храмов. Но тем не менее в этой фразе очень точно передано впечатление, которое производила на греков столица Египта периода фараонов. Мемфис, столица Нижнего Египта и вторая столица Двух царств, тяготел к земным удовольствиям и роскоши. Фивы не походили на Мемфис. Это был молодой, деловой и энергичный город. Его памятники и здания не испытали смягчающего воздействия времени, как это случилось с памятниками более древнего города. Фивы почти полностью были детищем нескольких великих монархов Среднего и в особенности Нового царств, которые стремились оставить знаменательный след как в своей стране, так и на международной арене. Этот город обладал особым шиком многих самоуверенных, недавно возведенных столиц: таким был Версаль Людовика XIV, Дрезден Августа Сильного, а также современные Нью-Дели и Бразилиа. Он был задуман и построен, чтобы поражать воображение, – и он поражал.

Сойдя на берег, мы были бы потрясены размерами и великолепием дворцов и храмов. Принцы, чья империя простиралась от Нубии до реки Евфрат, воздвигли памятники, чтобы похвалиться своими победами перед будущими поколениями. В эпоху Среднего царства грозный Ментухотеп III воздвиг в честь самого себя храм в Дейрэль-Бахри, защищенном со всех сторон скалами местечке на берегу реки.

А в эпоху Нового царства царица Хатшепсут приказала своему придворному Сенмуту построить в ее честь храм, который всегда считался одним из шедевров архитектуры (рис. 11). Аменхотеп III, Сети I и Рамсес Великий построили себе огромные дворцы-храмы, некоторые из которых действительно поражают воображение своими размерами. Мы бы замерли в восхищении при виде огромных статуй, которые давно уже покойный царь Мемнон (так греки называли Аменхотепа III) воздвиг перед поистине огромным храмом.

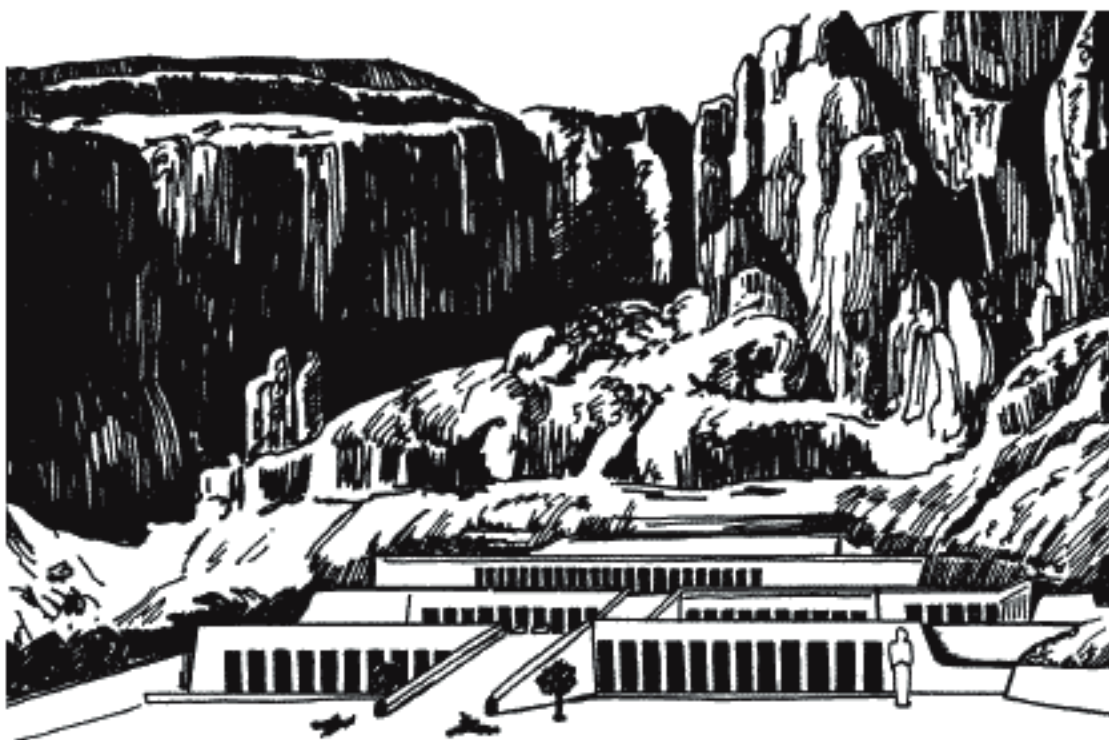

Рис. 11. Дейр-эль-Бахри: храм царицы Хатшепсут, жены Тутмоса III, Восемнадцатая династия; 1500 г. до н. э.

Однако мы бы отметили, что даже в царственных Фивах, как и в любом другом египетском городе, который мы посетили, простой люд ухитрялся строить свои дома в тени великих мира сего. Город разрастался вокруг храмов и дворцов. Но даже нагромождение деревянных и глиняных построек не могло испортить впечатление от роскоши дворцов, составлявших сердце города. А на другом берегу Нила можно было разглядеть очертания двух изумительных зданий – храмов Карнака и Луксора (рис. 22).

Если виды Фив не утомили вас и вы жаждете новых приключений, мы можем вновь сесть на корабль и продолжить путешествие на юг. От Бусириса до Фив мы уже проплыли около 500 миль. Если мы хотим добраться от Фив до самого южного города Египта Напаты, нам придется проехать еще 500 миль. В Напате, которая находится в 1000 милях от берегов Средиземного моря, наместники египетских фараонов воздвигли в самом сердце Нубии Фивы в миниатюре. Позже, примерно в 730 году до нашей эры, исконные правители Нубии, типичные египтяне по своему мировоззрению и образу жизни, несмотря на то что в их жилах текла негритянская кровь и кровь бедуинов, двинутся под руководством своего мрачного повелителя Пьянхи на завоевание всего Египта.

Вторая половина нашего путешествия будет утомительной. Первые 100 миль не порадуют нас разнообразием приключений. Мы проплывем мимо Эдфу, чей недавно возведенный в греческом стиле храм посвящен культу Осириса; мимо Иераконполя, самой первой столицы Верхнего Египта; и мимо соседнего с ним Нехеба. Нас удивит мирный и спокойный вид двух отдаленных городов: Сиены (Асвана) и Элефантины, которые раньше были оборонительными форпостами границы с Нубией. Элефантина была названа так потому, что являлась центром торговли слоновой костью (в виде бивней). Этот город представлял собой весьма живописную крепость, расположенную на острове посередине реки. Что касается Асвана, находившегося в подчинении Элефантины, то он был расположен на восточном берегу Нила. Там также велась оживленная торговля с народами, населявшими земли Африки, которые везли туда перья диковинных африканских птиц и шкуры животных. Оба города были вполне зажиточными, и в них также было много храмов.

Официальная граница с Нубией была давным-давно отодвинута на юг, но эти города-близнецы все еще продолжали быть важными административными и торговыми центрами. Однако, как только мы проедем эти города, нам придется столкнуться с опасностями, связанными с переправой через Первый водопад, если мы хотим увидеть знаменитый храм в Абу-Симбеле (фото 3).

Рис. 12. Нубийцы, приносящие дары

Пока мы доберемся до Напаты, нам придется преодолеть три водопада. Кстати, поздние цари Эфиопского царства в Напате, окончательно порвав культурные связи с Египтом, перенесли свою столицу еще на 400 миль на юг. Они основали ее далеко за Пятым водопадом и даже дальше места впадения Атбары в Нил. В Мерое нубийцы основали центр своей провинции, который полностью состоял из кирпичных пирамид. Этот город выглядел так же причудливо, как и их бывшая столица Напата. Однако вряд ли даже в эпоху относительной стабильности, когда наша маленькая группа греческих путешественников отправилась в свое путешествие, мы захотим добраться до Мерое. Вполне вероятно, что, достигнув Асвана, мы решим повернуть назад. У нас нет особых причин встречаться с опасностями, которыми полны безжизненные песчаные просторы Нубии. Давайте вернемся и получше рассмотрим некоторые из тех великолепных памятников, которые мы уже посетили. При этом мы будем тешить свою гордость мыслями о путешествии через два царства – Верхний и Нижний Египет.

Что же принесло нам это путешествие? Впечатления о глубокой голубой реке и еще более голубом и глубоком небе; о зеленых полях со сверкающей гладью каналов; о коричневых исполинах, облепленных белыми домишками; о квадратных величественных загородных домах и храмах. Мы поняли, что это благодатная и мирная земля. Ее люди довольны своей жизнью и очень трудолюбивы. Эта страна не похожа ни на одну другую, она уникальна и самодостаточна. Ее неприятие любых перемен дало ей уже на раннем этапе силу и единство. Оно же привело в итоге к ее истощению и упадку. Однако лотос рождает прекрасный цветок, хотя этот цветок и может увянуть.

Пирамиды

Для большинства из нас самыми замечательными и загадочными памятниками Древнего Египта всегда будут его пирамиды. Они, конечно, казались такими и маленькой группе греков, чьими глазами мы только что смотрели на долину Нила. Возможно, какой-то непочтительный грек назвал эти необыкновенные сооружения пирамидами, или «пшеничными печеньями», потому что своей формой они напоминали эти печенья, которые он так любил есть у себя на родине. А когда наш грек впервые увидел их издалека, они показались ему похожими на горсточки белейшей муки.

Что мы можем сказать о них? Как мы можем связать их с повседневной жизнью построивших их людей?

Безусловно, они были возведены в целях захоронения членов монаршей семьи. В древнейшие времена усопших просто помещали в простые, обмазанные глиной углубления в песке, хотя уже тогда в могилу умершего вместе с ним клали его оружие, одежду и еду, которые могли понадобиться ему в загробном мире. Однако, если вдруг в этом месте появлялись шакалы или поднималась песчаная буря, тела умерших оказывались извлеченными из мест их последнего упокоения, а их останки растаскивались по всей пустыне. Поэтому более зажиточные граждане решили обеспечить себя более прочным последним пристанищем.

В эпоху Первой династии цари и египтяне высокого происхождения начали строить такие гробницы, названные современными арабами мастабами, поскольку они по форме напоминают деревянные скамейки, которые часто можно видеть возле их домов. По сути, эти гробницы были чем-то вроде землянок, вырытых ниже уровня земли, сверху которых строилось покрашенное в белый цвет сооружение из обожженного кирпича с несколькими помещениями для хранения предметов, ранее просто помещавшихся рядом с телом. Чаще всего это сооружение богато украшалось.

Во время правления последующих двух династий тела стали помещать не в подземные комнаты, а у подножия глубокой центральной шахты в надежде, что грабители гробниц заблудятся, когда придут в гробницу за сокровищами. Кстати, стоит отметить, что профессия грабителя гробниц столь же древняя, как и профессия гробовщика.

Во время правления последующих династий Древнего царства мастаба еще пользовалась популярностью; однако для захоронения усопших царей теперь использовался совершенно новый тип гробниц: пирамиды. По сути, как можно видеть из рисунка, на котором изображена группа царских мастаб в Саккаре, пирамида возникла в результате вытягивания мастабы вверх (рис. 13, 14).

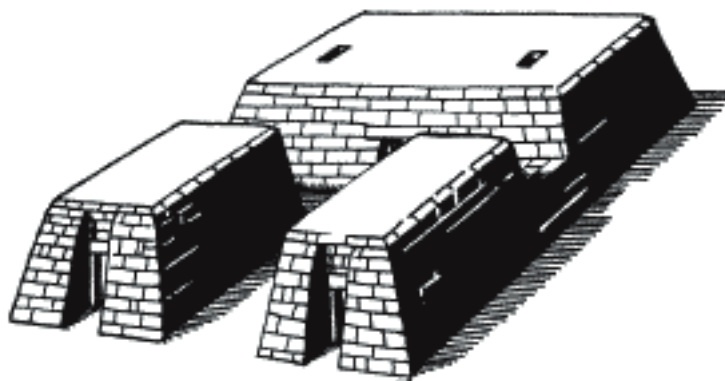

Рис. 13. Царские гробницы типа «мастаба» в Саккаре

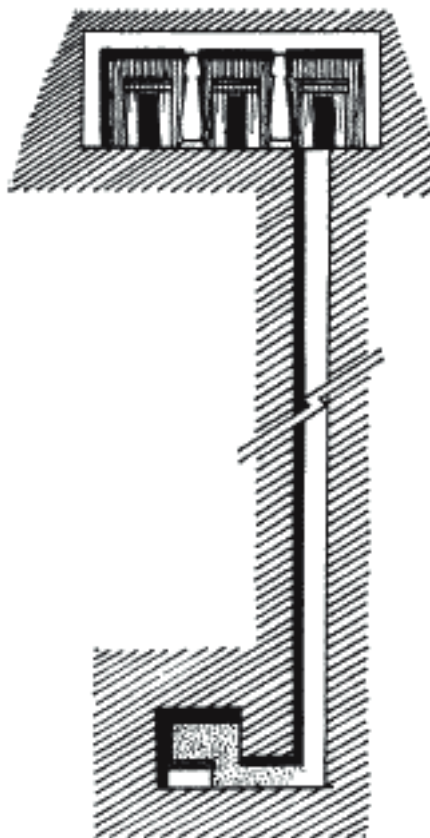

Рис. 14. Внутреннее строение мастабы; на рисунке изображена специальная камера для мумии, расположенная в 40 – 80 футах ниже зала для подношений

Вокруг царя, покоящегося в пирамиде, находились гробницы тех, кто служил ему при жизни, его цариц, сыновей и дочерей, высших сановников. Причем каждый имел собственную гробницу и вместе этот ансамбль напоминал двор царя в миниатюре.

Большинство пирамид, которые мы еще можем видеть сегодня, одиноки и изъедены временем. Они уныло стоят посреди удушливых песков пустыни. Однако первоначально они были центром четкой и одновременно изящной системы примыкавших к ним гробниц и храмов. Самой древней и во многом самой красивой из них была так называемая Ступенчатая пирамида, которую царь Джосер (Святой), основатель Третьей династии, возвел в Саккаре, к югу от Мемфиса (рис. 15). Ступенчатая пирамида существует примерно с 2700 года до нашей эры. Ее создал для царя Джосера поистине гениальный человек, его верховный советник Имхотеп. Имхотеп, которому последующие поколения поклонялись как богу, считался отцом математики, медицины и архитектуры. Он же был и изобретателем календаря. Ему пришла в голову идея поместить несколько мастаб одна на другую, подобно кольцам свадебного торта. Всего он соединил шесть гробниц. Схожесть сооружения со свадебным тортом усиливалась тем, что стены пирамиды были покрыты чудесным сверкающим известняком из царских карьеров в Туре. Глубоко под основанием пирамиды находилась широкая шахта, на дне которой была построена комната для тела усопшего, отделанная гранитом и окруженная паутиной подземных ходов. В то же время надземная часть пирамиды была ядром целой системы прилежащих к ней зданий. Стена со всеми ее входами и укреплениями была копией знаменитой Белой стены в Мемфисе, которая была построена первым фараоном Нармером.

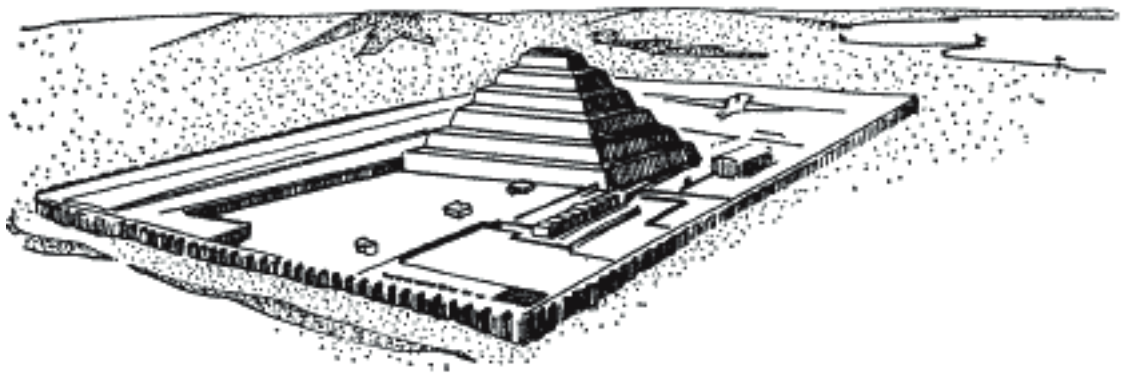

Рис. 15. Ступенчатая пирамида в Саккаре, построенная царем Джосером в 2700 г. до н. э.

Подобно Ступенчатой пирамиде все остальные пирамиды Древнего царства были возведены вблизи Мемфиса, которому в течение почти тысячи лет суждено было быть столицей двух царств. Пирамиды располагались на западном берегу Нила. Считалось, что священная лодка солнца, величественно проплывая в свою ночную гавань, скрывалась именно за грядой западных гор. Сначала архитекторы нашли прочное каменное плато, расположенное как можно ближе к реке, по которой проплывали бы плоты, груженные камнями из карьеров. Затем площадка была тщательнейшим образом обследована и измерена, чтобы углы будущей пирамиды совпадали с направлениями стрелок компаса. После этого выбранный кусок скальной породы аккуратно зачищался и шлифовался, а осколки складывались в кучу в центре и постепенно образовывали часть ядра пирамиды.

Ступенчатая пирамида знаменита тем, что является первым в мире сооружением из камня. Более того, она поражала изяществом форм, легкостью и очарованием, что редко встречается в египетской архитектуре. Ни одна пирамида, построенная при более поздних династиях, не могла сравниться с ней. Создается впечатление, что шедевр Имхотепа не был в достаточной степени симметричным и суровым, чтобы отвечать потребностям фараонов, занимавших египетский трон после царя Джосера. Им нужна была архитектурная форма, которая отражала бы все более жесткий, централизованный способ управления страной. Пластовая пирамида, Незаконченная пирамида, пирамида Мейдума и две пирамиды Дахшура – все они являются вариациями на тему того, какой отклик идея, воплощенная в пирамиде, находила в умах египетских правителей.

Две пирамиды Дахшура почти наверняка были построены Снофру, первым фараоном великой Четвертой династии. И если пирамида Мейдума также является творением Снофру, то, значит, этот монарх воздвиг для себя не менее трех огромных памятников. Южная пирамида Дахшура, которую археологи называют Наклонившейся пирамидой, обладает некоторым своеобразием, характерным для более ранних пирамид. Что касается северной пирамиды с ее ровными покатыми сторонами, то она, напротив, является предшественницей эры классики в строительстве пирамид, которая начинается во время царствования следующего правителя, известного в истории под именем Хуфу, или, в греческом варианте, Хеопса.

Хеопсу принадлежит Большая пирамида – самая высокая и величественная из трех пирамид, возвышающихся посреди пустыни на возвышенности возле Гизы. Эти три пирамиды справедливо причислялись древними людьми к семи чудесам света. Первоначально высота пирамиды Хеопса была 490 футов, а ее основание занимает не менее 39 акров – это территория, на которой могли бы спокойно разместиться Вестминстерское аббатство, собор Святого Павла и соборы Флоренции, Милана и Санкт-Петербурга. В ее тени когда-то сидел Наполеон, вероятно размышляя о том, что камня, из которого построена пирамида, хватило

бы на сооружение вокруг Фанции стены в 10 футов высотой и в один фут толщиной. Пирамида сложена из 2 300 000 каменных глыб, каждая из которых в среднем весит 2,5 тонны. Эти блоки были соединены воедино при помощи пальмовых веревок, деревянных волокуш, медных зубил и земляных пандусов (рис. 16).

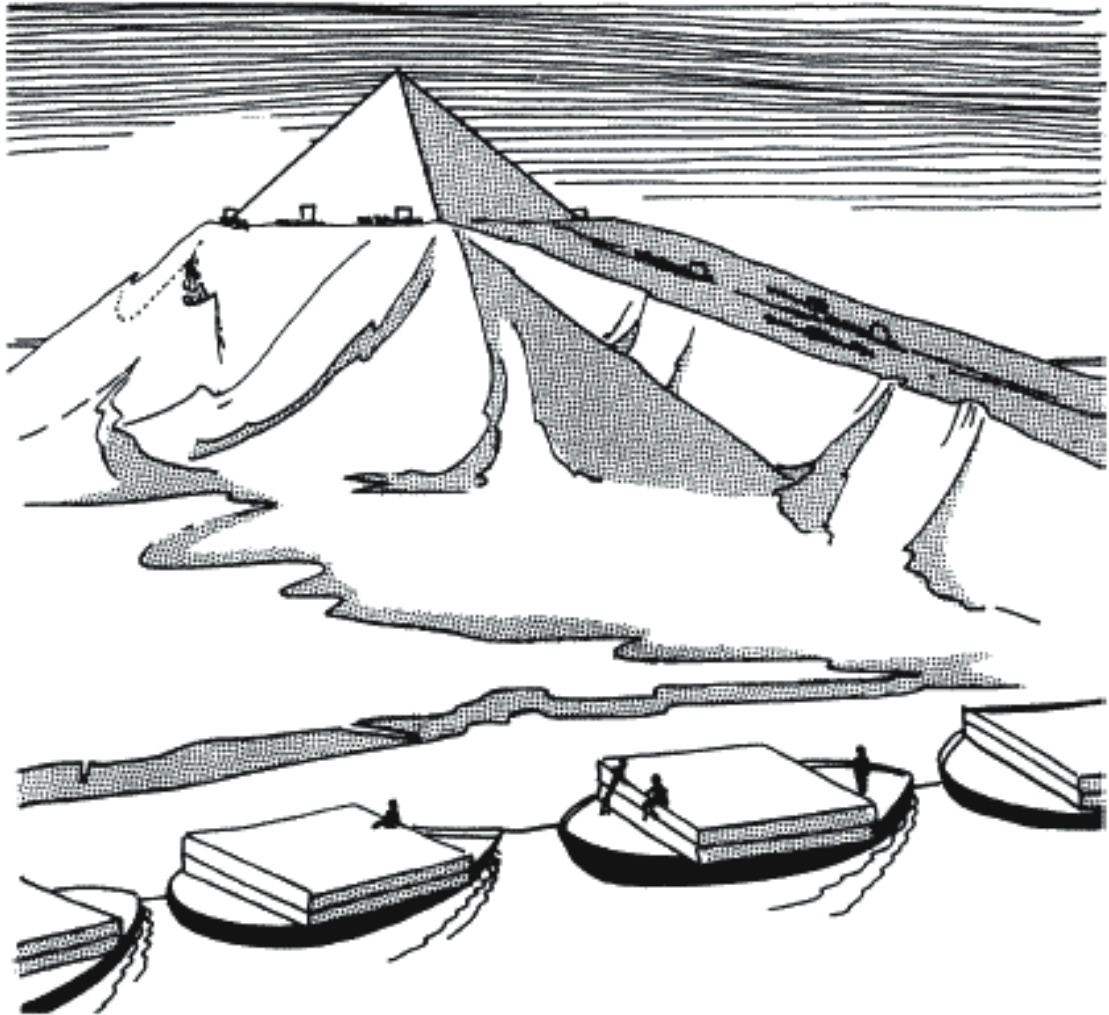

Рис. 16. Строительство Большой пирамиды Хеопса

Тем не менее этих весьма примитивных орудий труда оказалось достаточно для того, чтобы строители выполнили свою работу с величайшей точностью. Они сложили огромные куски красного гранита настолько тщательно и аккуратно, что в щели между ними не пройдет даже лезвие ножа. Расстояние между ними составляет всего лишь одну тысячную долю дюйма.

Здесь, в большой, отделанной гранитом комнате, в самой середине этой каменной горы, до сих пор находится саркофаг царя Хеопса, хотя, конечно, грабители давно уже вынесли оттуда все самое ценное. По одну сторону этой искусственной горы царь повелел построить плоскую четырехугольную гробницу для своих 64 родственников, министров и придворных; на другой стороне он выстроил маленькие пирамиды для трех своих жен, по периметру которых находятся восемь двойных гробниц, в которых покоятся останки его любимых детей.

Подобный же ансамбль из трех маленьких пирамид был возведен возле пирамиды царя Мисерина (или Менкаура); а третья пирамида в Гизе, построенная царем Хефреном (или Хафрой), представляет особый интерес из-за Сфинкса, расположенного поблизости.

Сфинкс, когда-то использовавшийся турецкими стрелками в качестве мишени, имеет высоту 66 футов, а его длина составляет 240 футов. Первоначально это было каменное возвышение, которому придворные мастера придали форму льва с головой человека. Вероятно, когда-то эта фигура была покрыта слоем штукатурки и раскрашена в яркие цвета подобно большинству египетских статуй. Кстати, греческое слово «сфинкс» происходит от египетского «живой образ»; а между лапами этого загадочного зверя когда-то стояла статуя самого царя Хефрена.

Пирамида в Гизе, как и более древние пирамиды, была окружена целым рядом построек. У края восточной стороны пирамиды стоял очень впечатляющий храм, от него спускалась каменная мостовая, длиной в целую милю, которая вела к меньшему по размерам храму, стоявшему в долине. Именно в этом небольшом храме в долине лежало тело усопшего царя, пока шел процесс его бальзамирования. После этого его с почестями несли по каменной дороге к пирамиде, где и проходило его захоронение.

Ни одна из пирамид, построенных в течение XIII или XIV веков, не могла по размерам сравниться с пирамидами в Гизе. Дело не только в том, что просто физически невозможно построить что-то подобное, но и в том, что правители, при которых возведены эти пирамиды, были людьми, имевшими огромную власть и незыблемый авторитет. Никакие другие египетские фараоны не обожествлялись так своими подданными и не внушали им столь глубокое почтение, как фараоны Четвертой династии. Рядом с внешне простыми, но величественными произведениями человеческих рук в Гизе пирамиды и храмы Солнца Пятой и Шестой династий казались безвкусными и легкомысленными. Конечно, великие цари Менхотеп II Одиннадцатой династии и Аменхет III Двенадцатой династии возвели для себя грандиозные пирамиды. В частности, Аменхет предпринял все меры предосторожности, чтобы запутать потенциальных грабителей гробниц. Его пирамида была пронизана ложными ходами, которые вели в пустые помещения. Это было нечто вроде подземной паутины. Его погребальная комната длиной в 22 фута была вырезана из цельной глыбы желтого кварца весом в ПО тонн. Тем не менее было очевидно, что погребение усопших в пирамиде не обеспечивало неприкосновенности царственным телам. Когда закончилась эпоха Среднего царства, погребение монархов в пирамиды прекратилось, хотя в царстве Напата, далеко на юге, нубийских царей хоронили в пирамидах и через две тысячи лет. Впоследствии египетские фараоны ввели в практику захоронение своих усопших в пустотах скал в Долине царей.

Но почему же идея захоронения усопших в пирамидах казалась ранним правителям Египта столь привлекательной? Как возникла и развивалась эта идея? Логично предположить, что зигзагообразный силуэт первых пирамид, получившийся в результате складывания старых гробниц одна на другую, породил представление о пирамиде как о своеобразной лестнице, по которой усопший царь поднимается к месту своего вечного пребывания на небесах. В одном из древних текстов прямо говорится, что «для фараона выстроена лестница, по которой он может подняться на небо».

Позже, когда ступени пирамиды приобрели окончательную форму, а грани стали ровными и гладкими, получила распространение другая идея. Египтяне полагали, что пирамида напоминает священный камень бенбен, который находился в специальном месте в храме Ра-Атума в Гелиополе. Вероятно, этот камень воплощал в себе «холмик вечности», где создатель мира Ра-Атум предстал перед людьми. Значит, где же еще мог покоиться усопший царь, как не внутри сооружения, напоминающего этот «холмик вечности»? Более того, и священный камень бенбен, и пирамида считались символами солнечных лучей на его пути от небес к земле. Вероятно, священный камень в Гелиополе был позолоченным, чтобы он напоминал сверкающий пучок солнца, когда оно проливает дождь своих живительных лучей на землю. Поэтому на вершине каждой пирамиды помещалась небольшая позолоченная пирамида, напоминающая священный бенбен.

Здесь стоит упомянуть о том, что обелиски получили свою форму именно потому, что такую форму имел священный камень бенбен. Однако при строительстве обелиска маленькая позолоченная пирамида помещалась на очень высокий гранитный постамент. Конусообразные стороны этой пирамиды могли, таким образом, использоваться, чтобы напоминать о замечательных деяниях фараонов, по чьему повелению было воздвигнуто это сооружение. Конечно, в Британии есть замечательный обелиск «Игла Клеопатры», возвышающийся среди деревьев, высаженных вдоль набережной Темзы. Кстати, этот памятник не принадлежит к эпохе Клеопатры, он был создан в эпоху правления египетского Наполеона – Тутмоса III, который правил за 1400 лет до Клеопатры.

Обелиски часто воздвигались попарно, и близнец «Иглы Клеопатры» сейчас стоит в Центральном парке Нью-Йорка. Среди других обелисков стоит упомянуть о двух парных обелисках, которые царица Хатшепсут Восемнадцатой династии повелела построить в своем храме в Дейр-эль-Бахри. Один из этих четырех обелисков сохранился до наших дней. Его высота более 100 футов. Из всех дошедших до нас обелисков самым высоким является столб в Карнаке высотой 105 футов, относящийся к периоду правления Тутмоса III, который стоит напротив церкви Святого Иоанна в Риме (рис. 17). Обелиски представляли особый интерес для заморских искателей приключений, поскольку их можно было перемещать с места на место. В результате многие обелиски сейчас украшают столицы разных стран. Близнец Карнакского обелиска в Риме теперь стоит в Константинополе, а на площади Согласия в Париже находится один из двух обелисков из Абу-Симбела.

Рис. 17. Обелиск в Карнаке

Таким образом, пирамида когда-то была центром комплекса сооружений, большая часть которых исчезла. Как при жизни царь жил в своем дворце в окружении своих домочадцев и придворных, так и в месте своего упокоения его окружали те же самые люди. Город-пирамида был городом мертвых. Однако в этом городе мертвых были живые люди, поскольку царь и его приближенные оставляли значительные суммы денег, чтобы священнослужители молились за их души, воины охраняли их останки, а ремесленники следили за надлежащим состоянием их гробниц. Иногда возникали целые города, как, например, Лахун, где жили ремесленники и разного рода чиновники, которым надлежало и сотни лет спустя поддерживать культ усопшего фараона. Таким образом египетские цари добивались того, чтобы и спустя века после их отбытия в мир иной в их некрополе звучали торжественные гимны и раздавалась мерная поступь часовых.

Мы должны понимать, что все это делалось не для того, чтобы потешить тщеславие или развеять страхи усопшего правителя. Простые египтяне были заинтересованы в сохранении памяти о своих умерших царях. Духовное влияние хорошего правителя продолжало приносить пользу его подданным и после его смерти. Всячески поддерживая его культ, ежедневно вознося ему молитвы, бывшие подданные обеспечивали его непрерывную связь с

богами, а значит, делали возможным его ходатайство перед богами за них. Для подданных умерший фараон был так же важен и ценен, как и живой. Он продолжал быть для них источником духовной энергии. Именно поэтому древние египтяне устраивали своим правителям такие пышные погребения и хоронили их в таких удивительных гробницах – в пирамидах, именно поэтому для них всегда было потрясением расхищение и осквернение этих гробниц чьими-то грязными руками.

Визит в храм

Простые египтяне редко посещали города-пирамиды, если они не были ремесленниками или художниками: у них не было на это причин.

Отнюдь не среди гробниц, а в храмах и дворцах воздавали они почести своим царям и богам. Как правило, эти два вида построек были равноценны в этом смысле. Примером тому может служить огромный дворец – храм Рамсеса II в Мединет-Хабу. Действительно, разве не был царь самым богом, живым воплощением Гора? А если так, то разве не вполне естественно, что его дворец будет его храмом, и наоборот? Ведь, в конце концов, жизнь царя была сплошным таинством.

Фараон незримо присутствовал в жизни каждого храма Верхнего и Нижнего Египта. Именно ежедневный обряд, который он лично совершал, делал эффективными обряды, которые одновременно совершались во всех храмах его государства. По этой и другим причинам храм был магнитом, притягивающим к себе всех жителей Египта от мала до велика. Каким бы маленьким и удаленным он ни был, какими бы не особо значительными были бог или богиня, которым поклонялись в этом храме, он был средоточием жизни египтян. Дело в том, что храм был не только духовным или общественным, но и экономическим центром той или другой общины. В Древнем Египте храм выполнял ту же функцию, что и собор в средневековой Европе. Это был источник духовного развития и место, обеспечивавшее занятость населения. Как и в средневековой Европе, почти вся земля (за исключением поместий фараонов) и собственность находились в руках царя и высшего духовенства. Теоретически царь владел Черной землей как бы по доверенности других богов. Поэтому жрецы были его главными арендаторами, хотя постепенно они становились более или менее безраздельными правителями в своих вотчинах – так же как аббат Тинтернийский, или Риво выполнял свои обязанности священнослужителя и одновременно следил за развитием земледелия, скотоводства и строительством (рис. 18).

Рис. 18. Представитель высшего сословия провинции осматривает свое стадо

Главные храмы выступали в качестве распорядителей не только своей собственности, но и собственности монарха. Все чиновники, писцы, ремесленники, стражники и художники кормились и одевались из церковных зернохранилищ и складов. Главные священнослужители собирали налоги от имени фараона и раздавали награды и все самое необходимое исключительно по своему усмотрению. Таким образом, они были инструментом регули-

рования и непосредственными участниками экономической жизни государства и обладали огромной властью.

Как и средневековые храмы Европы, наиболее крупные храмы Египта подвергались бесконечным изменениям в течение многих и многих веков. В доисторическую и додинастическую эпоху какое-то место считалось святым; в эпоху Древнего и Среднего царств там появлялся скромный деревянный или каменный алтарь; а ко времени возникновения Нового царства или правления Птолемеев там почти наверняка появлялось огромное сооружение, занимавшее площадь около 400 – 500 акров. Руины этих огромных храмов поражают современного человека нечеловеческой правильностью форм и исходящей от них суровостью; однако во времена своей славы, когда их стены были расписаны красками, на флагштоках развевались яркие флаги, а на территории самих храмов то и дело можно было видеть священнослужителей в праздничных одеждах, они поражали разнообразием и сложностью.

Давайте теперь опять вернемся в прошлое и снова присоединимся к группе греческих исследователей, путешествующих по Черным землям на закате чудесного дня.

Мы решили провести вторую половину дня, любуясь красотами Карнака, наиболее примечательного из всех религиозных центров Египта. До этого в течение трех или четырех дней мы, вооружившись пропуском, полученным у высокопоставленного чиновника, бродили по Фивам, любуясь их достопримечательностями. Мы стояли в восхищении перед остатками дворца Аменхотепа III в Малкате и его колоссом Мемнонским. Мы глазели на большой и яркий Рамессеум и на величественный дворец-храм в Мединет-Хабу, гордость династии Рамессидов. Мы провели целый день, восхищенно осматривая храм царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри (рис. 11). Теперь же мы переправились на восточный берег реки, где бродим, осматривая архитектурные шедевры Луксора. Луксор представляет собой небольшой придаток Карнака, построенный в более позднем и единообразном стиле во время правления Аменхотепа III, этого учтивого фараона, чье имя мы так часто слышим во время путешествий. В Карнаке мы не увидим ни одной архитектурной черты, которая могла бы соперничать с необозримыми взглядом террасами Дейр-эль-Бахри или колоннадами Луксора. Тем не менее Карнак по величине является самым крупным религиозным центром, когда-либо существовавшим в мире. Хотя наши греческие друзья утверждают, что дальше к северу, в Хаваре, в Фаюме, им было позволено увидеть пирамиду-храм, построенный Аменемхетом III Двенадцатой династии, который превосходит по размерам даже сам Карнак. Это знаменитый Лабиринт, описанный Геродотом, который в наше время представляет лишь бесформенную кучу мусора.

Впрочем, вернемся к нашему паломничеству в Карнак. Задумчивые, молчаливые, со сбитыми ногами и немного раздраженные неумолимой энергией нашего руководителя – маленького, щегольски одетого, категоричного и любящего покомандовать, – мы выходим из храма и идем по дороге длиной в милю, соединяющей Луксор и Карнак. Эта дорога шириной в 80 футов по обеим сторонам обрамлена статуями сфинксов с бараньей головой. По обеим сторонам то тут, то там виднеются крошечные алтари и места для поклонения богам. Пройдя по дороге половину пути, мы видим справа на блестящей глади озера Ашеру медный отблеск солнечного света. Это озеро, имеющее форму серпа, расположено рядом с большим храмом богини Мут, супруги Амона-Ра и покровительницы Карнака. У стен ее храма стоят многочисленные статуи, изображающие ее могучую подругу, богиню Секмет, покровительницу сил Хаоса.

По мере того как мы приближаемся к концу этой уникальной улицы, созданной Аменхотепом III для торжественных процессий, перед нами постепенно вырисовывается первый из десяти пилонов Карнака (рис. 19). Пилоны представляют собой две абсолютно одинаковые башни с двойными воротами между ними, являющимися отличительной чертой египетской архитектуры. За первым пилоном мы можем разглядеть еще не менее трех таких соору-

жений. После этого дорога приведет нас прямо к южному входу в храм. Очень заманчиво попасть с изнуряющей жары в полумрак и прохладу храма. Тем не менее мы должны еще на десять минут задержаться у стен храма, потому что наш неугомонный руководитель предлагает не входить в храм через южный вход, а повернуть влево и пройти вдоль стен храма до западного входа. Надо признать, что у него есть на то веские причины: таким образом мы лучше поймем, как строились египетские храмы. Поворачив немного, мы направляемся к западному входу; по пути мы замечаем край стены храма Консу, который ловко вписан в храмовый комплекс. Молодой воин Консу, сын Мут и Амона-Ра, – третий член божественной троицы, которой поклоняются в Карнаке.

Наконец, мы готовы вступить под своды огромного западного пилона, ведущего в храм Амона-Ра, царя всех богов. Как и большинство главных храмов Египта, Карнак сориентирован по оси восток – запад. Таким образом, молящийся всегда стоит лицом на восток, как, кстати, и в христианских церквях. Когда солнце поднимается над горизонтом, оно символизирует молодого Гора Харахти. Постепенно оно проходит через средние точки пилонов, стоящих с востока на запад, одна из башен которых символизирует мать Гора Исиду, а вторая – подругу Гора Нефтису. А когда оно заходит на западе, то аккуратно делит храм пополам. Это – выражение столь близкой сердцам египтян симметрии.

Сейчас, когда мы готовы войти во внешний дворик, на улице полдень, и солнце находится в зените. После долгого пути из Луксора по нашим лицам градом катится пот. В этот час дня солнце перестает олицетворять молодого Гора; предполагается, что сейчас оно приобретает свою полную силу и становится олицетворением бога Ра. Эта мешанина из богов и богинь, большинство из которых – настоящие мастера перевоплощения, очевидно, в меньшей степени приводила в недоумение греческих путешественников, к группе которых мы присоединились, чем современного читателя. Например, Гор является прямым предшественником греческого бога Аполлона, поэтому неудивительно, что греки чувствовали себя вполне комфортно в просторных, пронизанных солнцем храмах Карнака. Для них посещение Карнака вряд ли было более необычным, чем посещение членом англиканской церкви православного собора в Москве. Древние греки не чувствовали себя чужими в этой пестрой компании богов.

Рис. 19. Храмовый пилон

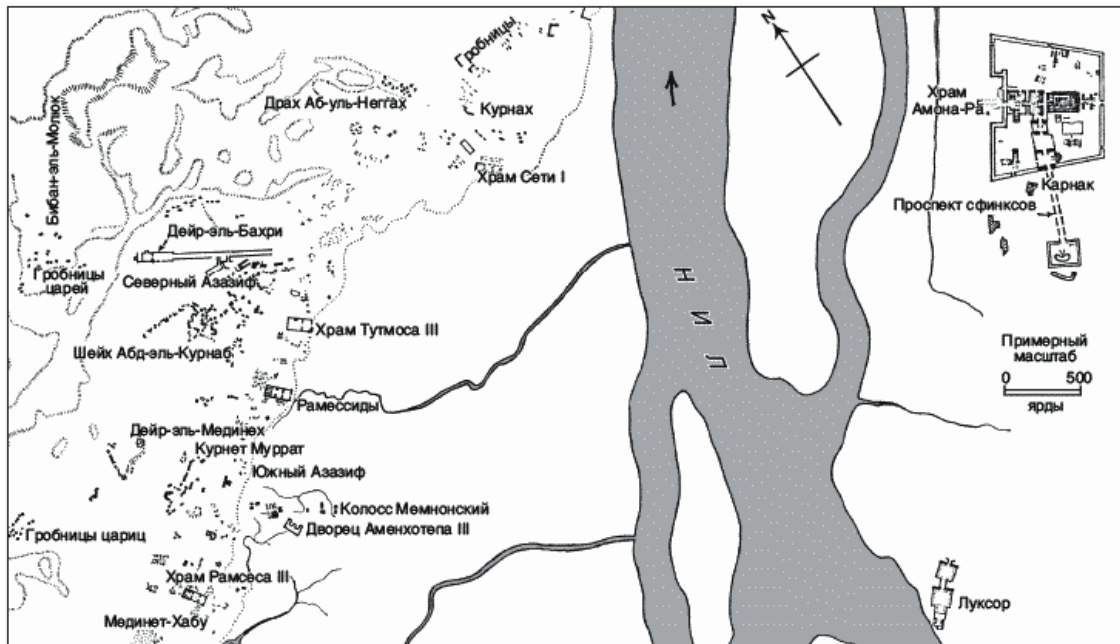

Рис. 20. Карта района Фив

С учащенно бьющимся сердцем мы входим под своды внешнего пилона. На его вершине установлено шесть изящных позолоченных флагштоков, на которых развеваются длинные узкие флаги, украшенные священными эмблемами.

Мы проходим через небольшой участок тени и оказываемся в просторном внешнем дворе. Это самая новая часть храма – нечто вроде викторианской пристройки к средневековому храму. Сам внешний пилон был выстроен в эпоху Птолемеев, в то время как чудесный двор с колоннами был построен в эпоху правления Шешенка I. Шешенк, основатель Двадцать второй династии, был воином иностранного происхождения с сильной примесью ливийской крови. Подобно большинству завоевателей Египта (за исключением некоторых весьма жестоких вождей ассирийцев и персов) Шешенк и его предшественники попали под чары людей, которых они победили, и стали поклоняться их исконным богам.

Двор полон снующих туда-сюда людей. В этом помещении, находящемся перед самым входом в святилище Амона-Ра, где проводятся открытые для публики части священного обряда, вы не увидите испуганных или напряженных лиц. Служение великому богу – это великая радость. Четыре хорошенькие девушки, позвякивая браслетами на запястьях и лодыжках, направляются к маленькому храму, фасад которого выступает из-за стены справа от нас (рис. 21). На голове они несут плетеные корзины с дарами. Среди этих даров – хлеб, дичь и овощи. Слева пожилой скульптор и его юный ученик неторопливо занимаются текущим ремонтом фриза, опоясывающего маленький алтарь. В раскаленном от солнца воздухе мерно и усыпляюще раздается мерное постукивание их инструментов. Чуть подальше, на скамейке, спрятавшейся под сводами храма, мирно подремывают двое старцев в свободных одеждах. Из-под сводов второго пилона, расположенного на противоположной стороне двора, появляется оживленная группа юношей в коротких туниках. У них в руках принадлежности для письма. Они шутливо толкают и хлопают друг друга по плечам, радуясь тому, что занятия на сегодня закончились. Их наставник, утомленный долгими занятиями, пытается схватить за ухо ближайшего нарушителя дисциплины, но без особого успеха.

Рис. 21. Девушки, несущие подношения богам

Пока мы стоим и переводим дыхание, через ворота позади нас неторопливо проходит очень полный человек небольшого роста, в роскошном пурпурном одеянии. У него довольно темный цвет лица, борода и крючковатый нос. Может быть, это какой-то заезжий дипломат или глава магистрата отдаленной провинции? Мы видим, как он отходит в сторону и почтительно кланяется двум священнослужителям с обритой наголо головой, которые показались слева. Через левую руку каждого перекинут подол белого одеяния; на груди, украшенной многочисленными тяжелыми золотыми цепями, висят квадратные таблички с изображенными на них пиктограммами, что является признаком их высокого сана. В драгоценных камнях, из которых выложены пиктограммы, преломляется солнечный свет, распадаясь на тысячи лучиков, когда священнослужители прерывают свою неторопливую беседу, чтобы ответить на поклон человека в пурпурном одеянии. Они устаивают благосклонным кивком и нашу маленькую группу, а затем проходят через первый пилон и выходят за пределы стены храма. Они либо слишком заняты, либо их воспитание не позволяет им выразить удивление при виде нашей группы.

Наконец, наш руководитель разрешает нам уйти с жары и войти в прохладу здания. Мы идем вперед и показываем пропуска из папируса суровым, но вежливым стражам при входе в храм. Потом мы опускаемся ниже второго пилона творения профессионального воина Горемхаба, который проделал в Карнаке большую работу. И вот мы в знаменитом гипостильном зале (рис. 22). От его размеров захватывает дух, как будто порыв холодного ветра пронизывает нас до самых костей. В этом зале проходят самые важные придворные обряды, это можно определить по фрескам и мозаикам, украшающим стены зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.